

DOI: 10.29039/2413-189X.2025.30.347-361

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПОДКУРГАННОГО ОБРЯДА ПОГРЕБЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ТАВРИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX В.

Вадим Владиславович Майко

Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Аннотация. В статье впервые обращено внимание на три опубликованных погребения, относящихся к позднему этапу салтово-маяцкой археологической культуры Таврики второй половины IX в. Необычность их заключается, прежде всего, в одиночном характере и отсутствии поблизости грунтового некрополя. Во-вторых, необычен состав погребального инвентаря, представленного гончарной и столовой лощеной керамикой. В одном захоронении, помимо этого, зафиксировано уникальное погребальное сооружение, представленное каменной оградой. На основании приведенных аргументов и существующих аналогий высказано предположение о том, что перед нами подкурганные могилы, курганная насыпь которых не сохранилась, или одиночные погребения, оставленные кочевым населением крымских степей и предгорий. Не исключен их хазарский этнос и различный социальный статус.

Ключевые слова: Восточный Крым, салтово-маяцкая культура, одиночные погребения, погребальный инвентарь, обряд погребения, подкурганные могилы

FOR THE QUESTION OF THE BARROW MOUND FUNERAL RITE IN THE EASTERN TAURICA IN THE SECOND HALF OF THE NINTH CENTURY

Vadim V. Maiko

Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
vadimmaiko1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1065-4836>

Abstract. This article for the first time calls attention to three published burials related to the late stage of the Saltovo-Maiak archaeological culture in the second half of the ninth century Taurica. First, their specificity comprises of isolated nature and absence of flat cemetery nearby. Second, the composition of the grave goods is unusual, containing wheel-made and polished table ware. Additionally, one burial structure is unique having a stone fence. The arguments attracted and the parallels in possession allow the one to hypothesize that the graves in question initially had burial mounds, which did not survive, or were single graves left by nomadic population of the Crimean steppes and sub-mountainous area. It is still possible that the deceased were Khazars of different social status.

Keywords: Eastern Crimea, Saltovo-Maiak culture, single burials, grave goods, burial rite, barrow graves

Погребальный обряд праболгарского населения Таврики, относимого к крымскому варианту салтово-маяцкой культуры, изучен достаточно полно. Специалистам известны основные некрополи восточной и юго-восточной частей полуострова середины VIII – первой половины X в., содержащие грунтовые, грунтовые с использованием деревянных конструкций, плитовые и комбинированные захоронения. Нет сомнений в том, что оставлены они оседлым населением, проживавшим в городских и сельских поселениях. С середины VIII в. городские, а с середины IX в. и сельские жители активно принимают христианство, что нашло отражение в появлении на могильниках плитовых христианских могил и каменных склепов с коробовыми перекрытиями.

В 2021 г. впервые в крымском хазароведении благодаря раскопкам курганов у с. Строгоновка (Симферополь) удалось доказать нахождение в крымской степи и предгорьях в середине – третьей четверти VIII в. кочевой хазарской верхушки. Именно для нее сооружались

курганы, содержавшие погребения т.н. соколовского типа в сложных каменных конструкциях, подобных погребальным и поминальным сооружениям Алтая и Монголии [10].

В этой связи в данной работе хотелось бы заострить внимание на нескольких уже опубликованных салтово-маяцких погребениях. Прежде всего, это полностью введенные в научный оборот два погребения у хутора Конрат на Керченском полуострове, отнесенные к новому неизвестному доселе некрополю [16, с. 222–226, 294–309] (рис. 1,2). Во-вторых, это три погребения, зафиксированные на площади долговременного поселения античного времени Приморский северо-западное [20, с. 26; 21, с. 167, сноска 1; 22, с. 238]¹ (рис. 1,3). Многие нетипичные для Таврики черты этих захоронений заставляют обратиться к их анализу подробнее.

Очень коротко напомним основные характеристики погребального обряда двух могил, раскопанных у хутора Конрат в 2015 г. К сожалению, сказать что-либо о конструкции погребального сооружения могилы 1 не представляется возможным. Вероятнее всего, мы имеем дело с грунтовым полностью разрушенным погребением. Погребальное сооружение захоронения 2 представляет собой плитовую могилу с традиционным для этого типа объектов перекрытием из каменных плит. С середины IX в. именно такие захоронения маркируют принятие христианства салтовцами восточной части полуострова. Тем не менее, в предшествующей публикации справедливо было обращено внимание на некоторые особенности конструкции погребального сооружения. Во-первых, это наличие прямоугольных подрубков в двух боковых плитах на месте их примыкания к изголовной плите. В образовавшиеся за счет этого ниши были установлены сосуды с паутственной пищей или питьем. Во-вторых, это наличие подпрямоугольной сквозной арки на плите изголовья. Вероятнее всего, она представляла собой ранее не встречавшийся вариант сакральных христианских ниш, хорошо известных по раскопкам плитово-грунтовых могильников Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма. Вместе с тем, в нашем случае в проеме торцевой плиты помещена была не христианская символика, а кости жертвенных животных.

Погребения на поселении Приморский северо-западное, раскопанные в 2017 г. отрядом Крымской новостроечной экспедиции Института археологии РАН под руководством В. Е. Родинковой, находились в северо-западной части поселения. Все они были совершены в ямах, выкопанных в культурном слое памятника, и только погребение 1 оказалось несколько заглублено в материк. Контуры могильных ям в процессе исследования зафиксировать не удалось. В могилах 1 и 2 были погребены женщины. В погребении 2 на правой локтевой и лучевой костях зафиксированы остатки сильно окислившегося железного предмета, вероятно, ножа. Два погребенных находились в вытянутом положении, одно – скорченное на боку [22, с. 238]. Погребальный инвентарь составили железный нож и круговой салтово-маяцкий горшок [22, рис. 2,6]² позднего варианта, позволивший отнести все захоронения к этой археологической культуре и датировать IX – началом X в. [22, с. 235].

Помимо конструктивных особенностей могилы 2 у хутора Конрат, явным отличием и этого, и первого погребения, равно как и могилы 1 на поселении Приморский северо-западное, является наличие в составе скудного погребального инвентаря кухонных гончарных горшков, лепного сосуда, лощеной кубышки и амфоры причерноморского типа.

Специалистам хорошо известно, что для крымского варианта салтово-маяцкой культуры, в отличие от других вариантов этой археологической культуры, находка в погребении лощеного гончарного кухонного или лепного сосуда – явление чрезвычайно редкое. Практически полностью преобладающим типом погребальной посуды, как, впрочем, и для гото-аланского населения Южного берега Крыма и юго-западной части полуострова, являлись красно- или оранжевоглиняные ойнохои трех основных типов.

¹ Выражаю глубокую признательность В. Е. Родинковой, любезно предоставившей неопубликованные материалы раскопок этих погребений.

² Горшок хранится в фондах Центрального музея Тавриды КП-64243/2 А-36118 К.о. 436. Выражаю глубокую признательность Н. Б. Майко и всем сотрудницам фондов за возможность работы с материалами погребений.

Единственным, пока, захоронением, где в погребальном инвентаре также присутствовала лощеная сероглиняная керамика, остается уже неоднократно упоминавшееся захоронение 4, обнаруженное на участке раскопа 6 2006 г. на восточном склоне холма Тепсень [6]. Там в изголовье погребенного в обычной грунтовой яме была зафиксирована орнаментированная сетчатым орнаментом кубышка с клеймом на дне в виде креста в круге.

Лепная керамика в погребениях салтовцев полуострова также представлена единственным случаем, когда на камнях перекрытия могилы 2 с коробовой деревянной конструкцией раскопа 6 2006 г. того же Тепсеньского городища найдена лепная кружка [5; 6], которую есть основания рассматривать в качестве тризны.

Погребения же, содержащие кухонные салтовские горшки, также для Таврики единичны. До публикации анализируемых захоронений у хутора Конрат и на поселении Приморский северо-западное, единственный подобный сосуд был найден в Херсонесе в 1937 г. в погребении [26, с. 40, рис. 7–8], конструкцию которого, как и сам археологический контекст, до конца установить сложно.

Салтово-маяцкие погребения Таврики, где в качестве погребального инвентаря или тризны использовались амфоры причерноморского типа, нам неизвестны. В синхронных аланских древностях полуострова причерноморские амфоры встречены только в материалах некрополя Лучистое. Так, в могиле 250 их зафиксировано три [1, с. 66, рис. 32,5,12,20]. Этот погребальный комплекс на основании корреляции разнообразных индивидуальных находок и стратиграфии аргументировано отнесен к условно выделенной 11 хронологической группе погребальных сооружений, которая датируется второй половиной VIII в., хотя в ней присутствуют вещи, продолжавшие активно бытовать и в первой половине IX в.

Анализ частоты, характера расположения и типов лощеной посуды в аланских склепах Подонья и Подонцовья, где они составляют подавляющее большинство – тема отдельной работы. Для нас представляет интерес наличие лощеной посуды в ямных погребениях за пределами Таврики, связываемых с болгарским и другими этносами. В этой связи в качестве семантически близких погребальных комплексов можно привести погребения типа 3 Зливкинского могильника, представляющие собой грунтовые ямы с нишей-подбоем в одной из стенок, в которых размещались горшки или кубышки с напутственной пищей [29, с. 115].

За пределами Крымского полуострова ближайшее салтово-маяцкое погребение, в котором был найден лепной горшок (вместе с лощеным кувшином), раскопано на Таманском полуострове в Фанагории [3, с. 262; 28, с. 229, рис. 159,4]. Там же найдены и единичные салтово-маяцкие погребения с кухонными горшками [3, с. 262, рис. 2,2; 28, рис. 156,2]. При этом следует отметить, что в погребальной практике населения Подонья и Подонцовья гончарные кухонные горшки повсеместно использовались наряду с лощеной посудой.

Анализируя использование амфор в погребальной практике праболгарского и аланского населения Подонья, необходимо вспомнить хорошо известную специалистам плитовую могилу, раскопанную на могильнике у с. Желтое в бассейне Северского Донца. Рядом с ней в углублении была установлена причерноморская бороздчатая амфора с отбитым горлом [11, с. 63, рис. 2,1,а,б]. В Сухогомольшанском могильнике причерноморские амфоры были использованы в качестве урн и крышек в нескольких кремационных захоронениях [2, с. 156, рис. 93,10–12].

Подводя итоги публикации захоронения у хутора Конрат, мы пришли к заключению о том, что описанный обряд погребения являлся уникальным для всех раскопанных праболгарских плитовых захоронений полуострова [16, с. 222–226]. В этой же работе был приведен и ряд близких по обряду могил за пределами полуострова. Среди последних отмечались погребения с напутственной пищей в лощеном сосуде в Патрее [25, с. 115] и погребение, обнаруженное на территории III Чертовицкого городища в Верхнем Подонье на реке Воронеж, в котором в изголовье погребенного в грунтовой яме располагались два гончарных салтовских горшка и кости жертвенного животного [17, с. 83–89].

Однако более важным представляется другой момент, на который мы при публикации погребения у хутора Конрат не акцентировали внимания. Не отмечена была эта принципиальная особенность и при публикации погребения на поселении Приморский северо-запад-

ный. Особенность эта связана с тем, что на территории некрополя Конрат на раскопанной площади в 172 м² никаких других погребений кроме этих двух нет. Погребение 1 на территории поселения Приморский северо-западное находилось на расстоянии около 40 м к северу от погребения 2 и более 30 м на северо-восток от погребения 8. Считать с полной уверенностью, что погребения 2 и 8 синхронны погребению 1 у нас нет достаточных оснований. На этом поселении исследованы и отдельные погребения эпохи Великого переселения народов и античного времени. Таким образом можно с уверенностью говорить о том, что у хутора Конрат и на территории античного поселения Приморский северо-западное салтовские грунтовые некрополи отсутствуют, а анализируемые погребения являются одиночными, не имеющими пока аналогий в раннесредневековой Таврике.

Относительно погребения у хутора Конрат надо учитывать еще два важных момента. Во-первых, напомним, что объект культурного наследия некрополь «Хутор Конрат II» был открыт в октябре 2014 г. Д. В. Бейлиным в ходе археологических разведок по трассе проектируемой ЛЭП энергомоста «Российская Федерация – полуостров Крым» на вершине и восточном склоне хребта к югу от ныне не существующего с. Андреевка. Он представлял собой курганную группу, состоявшую из 11 насыпей, находящуюся на вершине и на восточном склоне водораздела, ограничивающего с востока обширную долину, где располагалась бывшая деревня (рис. 2,3). На верстовой карте конца XIX в. и на карте РККА конца 1930-х гг. (рис. 2,1,2) на этом месте показаны курганные насыпи, но искусственного или естественного происхождения, не ясно. В ходе разведок 2014 г. курганы 3–5 этой курганной группы, исходя из близости расположения, были объединены в один объекты культурного наследия с координатами. Так, небольшой курган 4 с грунтово-каменной насыпью высотой не более 0,25 м и диаметром 7 м находится на расстоянии 30 м к северо-востоку от кургана 3 на той же возвышенности. Такой же небольшой курган 5 высотой 0,4 м и диаметром 7 м расположен в северо-восточной части этой же небольшой продолговатой возвышенности. На вершине насыпи кургана 5 в ее центре фиксируется навал необработанных и слегка подтесанных известняковых камней. Интересующий нас курган 3 располагался в юго-восточной части курганной группы и представлял собой локальную естественную возвышенность (рис. 3,1). В ходе археологических разведок был установлен примерный диаметр кургана, составивший около 15 м. В пределах насыпи фиксировался мелкий щебень и бутовый камень, размеры которого достигали 0,03×0,07×0,09 м. В центре кургана расположена была оплывшая грабительская яма размерами 2×2,5 м.

Именно под курганной насыпью № 3 в 2015 г. экспедицией под руководством Ю. П. Зайцева был разбит раскоп площадью 172 м² (13×13 м), перекрывший всю курганную насыпь, и изучены два погребения. Толщина насыпи на участке тризны погребения 2 составила 0,5 м (рис. 3,3), а в центральной части 0,6 м (рис. 3,2). Если рассматривать раскоп, как курган, центральное погребение было смещено от центра на север примерно на 2,5 м. Сопутствующее погребение 1 располагалось в 4 м к юго-западу от него, ближе к центру курганной насыпи. Таким образом, можно ли считать насыпь над этими погребениями курганом, однозначно сказать сложно. Не исключено, что полностью земляной курган не возводился по причине наличия удобной возвышенности.

В предварительной публикации указывалось, что погребение 2 у хутора Конрат было впущено в практически полностью разрушенный склеп античного времени [16, с. 295]. Об ошибочности этого утверждения сразу после выхода публикации совершенно аргументированно и однозначно говорил автор раскопок Ю. П. Зайцев. Действительно, за каменный склеп были приняты три кладки, образывавшие прямоугольную каменную конструкцию, ограждавшую по периметру плитовое погребение. При этом фундамент ограды находился на уровне плит перекрытия (рис. 4,2). Каменная ограда была сложена из необработанных плит известняка на суглинистом растворе. Западная стенка сохранилась полностью. Ее толщина составила примерно, 0,15–0,18 м, длина 0,54 м. Высота девяти рядков кладки составила 0,38 м (рис. 4,1). От длинных стен сохранились только части кладок длиной 0,6–0,75 м, примыкающих к западной стене (рис. 4,5). Вероятнее всего, эта прямоугольная с закругленными углами каменная ограда сохранилась примерно на 1/3 часть и, первоначально, ограждала всю могилу (рис. 4,3).

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что у хутора Конрат перед нами подкурганное погребение второй половины IX в. в плитовой с перекрытием могиле, с мощной аккуратно выполненной каменной обкладкой по периметру и с сопутствующим грунтовым погребением. Не исключено, что подкурганным является и одиночное погребение 1, также второй половины IX в., на территории поселения Приморский северо-западное (рис. 5). Однако никаких следов курганной насыпи здесь проследить не удалось. Тем не менее, исключать полную распахку этой изначально небольшой (не более 0,2–0,3 м) курганной насыпи также нельзя.

Эти уникальные пока для Таврики погребения заставляют обратиться к возможным аналогичным или типологически близким погребальным сооружениям за пределами полуострова.

Учитывая конструктивные особенности, первый блок возможных аналогий составляют наиболее поздние подкурганные захоронения т.н. соколовского типа. Уже достаточно давно А. А. Ивановым в кандидатской диссертации были обобщены данные обо всех подкурганных погребениях Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Нас, в первую очередь, интересуют погребения в курганах с квадратными ровиками, выделенные в наиболее позднюю треть хронологическую группу, для которой характерны вещи классического салтовского облика, прежде всего, ременная гарнитура и лощеные салтовские сосуды. Датируются они в основном первой половиной IX в. [9, с. 16–17].

В качестве яркого примера можно привести подкурганное захоронение в курганном некрополе Куцый XII в Пролетарском районе Ростовской области. Некрополь здесь состоял из 11 насыпей, образующих две группы. У раскопанного кургана насыпь не сохранилась, но благодаря учетной документации ясно, что высота его составляла около 0,4 м, а диаметр около 15 м. Проследить границы ровика не удалось. Важно отметить, что в изголовье погребенного находились фрагменты жертвенной пищи в виде отдельных костей овцы. Богатый погребальный инвентарь включал, как и в случае погребения у хутора Конрат, лощеный кувшин и кухонный горшок с насечками по венчику и многорядной волной на плечиках [30, с. 190, рис. 3,2,3]. Подобные технологически совершенные горшки для памятников салтово-маяцкой культуры Крыма датируются не ранее второй четверти – середины IX в. Погребение автором публикации датируется в пределах VIII–IX вв. [30, с. 182–186].

Е. В. Кугловым, с учетом новых и переосмыслением старых результатов, группировка А. А. Иванова была значительно скорректирована и уточнена.

В частности, на основании анализа подкурганного ямного погребения в кургане 9 курганного могильника Ольховка I в Ольховском районе Волгоградской области, было высказано предположение о том, что по конструкции часть ямных подкурганных погребений первой половины – середины IX в. относится к Зливкинскому типу [13, с. 38–41]. Действительно, курган 9 некрополя Ольховка I, высота которого составляла 0,2 м при диаметре 16 м, близок тому, который мог существовать у хутора Конрат. И здесь слой погребенной почвы мощностью 0,10–0,12 м сохранился только в центральной части, и здесь присутствовала, ограда из камней, правда не такая мощная и тщательно выполненная, и здесь в погребальном инвентаре был зафиксирован лощеный кувшин с «парадной» орнаментацией [13, с. 119, рис. 1,3]. Ученый привел и целый ряд не только подкурганных поздних погребений под индивидуальными курганными насыпями, но и впускные погребения Зливкинского типа в курганы более раннего времени. Сами курганы по большей части имели квадратные ровики, но присутствовали и земляные сооружения, их не имевшие.

Таков, например, курган 3 могильника Таловый II, расположенного на Сало-Маньчском водоразделе Волго-Донского междуречья. Его высота также не превышала 0,25 м при диаметре около 16 м. Основная подбойная могила относилась к соколовскому типу, но квадратный ровик отсутствовал. Авторы предположили, что сам курган изначально мог иметь квадратную пирамидальную форму и отражает, таким образом, завершающий этап эволюции Соколовских памятников в первой четверти IX в. [8, с. 160–163]. И здесь, как и в захоронении у хутора Конрат, в погребальном инвентаре сочетались лощеный кувшин и лепной горшок [8, с. 169, рис. 3,2,4].

Для нас важно проследить и проникновение уже во второй половине IX в. поздней соколовской обрядности с явными тюркскими влияниями на отдаленные территории, такие, например, как левобережье Иртыша. Здесь среди курганного могильника Меновое VIII курган 8 диаметром 10 м и высотой не более 0,5 м отличался наличием центрального трупосожжения, характерного для элиты кимаков, огражденного тщательно выполненной прямоугольной оградой, сооруженной из крупных блоков серо-коричневого ломаного камня и ориентированной углами по сторонам света. Высота двух ярдов кладки составляла около 0,4 м. К погребальной яме примыкала конструкция, имитирующая длинный дромос. В пристройке к каменной ограде располагались захоронения коня и подростка, совершенные по обряду трупоположения [27, с. 76, рис. 2].

Развивая дальше свою концепцию, Е. В. Круглов выделил и поздние ямные одиночные погребения соколовского типа без фиксируемых курганных насыпей, которые являются сильно упрощенным вариантом соколовского обряда и принадлежали рядовым черным хазарам. В качестве одного из эталонных примеров приводится грунтовое погребение близ с. Ильевка Калачевского района Волгоградской области на территории курганного Ильевского могильника [12, с. 180]. Курганная насыпь здесь не фиксировалась и, по мнению автора, могла вообще отсутствовать. Могила же имела небольшую ступеньку, на которой располагался череп коня, череп и конечности барана. В головах находился лепной горшок [12, с. 181, рис. 1].

К этой группе примыкает и неоднократно опубликованное одиночное захоронение на селище эпохи поздней бронзы Малячкино IV в Среднем Поволжье [24, с. 432, рис. 3]. Погребенный был помещен в могильную яму прямоугольной формы в слабоскорченном положении на правом боку. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняной амфоры причерноморского типа, но без МЗР, двух лепных горшковиных сосудов [24, с. 437, рис. 11], типологически близких тому, который был зафиксирован в погребении у хутора Конрат, кругового лощеного кувшина с волнистым орнаментом поволжского типа, фрагмента бронзового зеркала и фрагментов железных изделий. Авторы предположили, что изначально над погребенным могла быть курганная насыпь, сnivelированная при распашке. Однако, никаких аргументов в пользу этого не приведено.

Вторая группа аналогий – захоронения новинковского типа. Для нас важно то, что основной отличительной чертой новинковского типа, объектов которого, расположенных в основном в южной части Самарской луки, известно около 30 [23, с. 12], является использование в погребально-поминальной обрядовой практике камня, с чем согласились и другие специалисты [13, с. 39]. Напомним, что практически все курганы новинковского типа имеют диаметр от 6 до 18 м при максимальной высоте до 1,3 м. Во всех случаях в насыпях прослежены каменные конструкции трех основных типов. Находки керамики в курганной насыпи, за пределами могильных ям, документируют наличие постпогребальных обрядов, частью которых были поминальные тризны [23, с. 14].

В качестве типологически наиболее сходных конструкций стоит вспомнить крупную П-образную достаточно тщательно выполненную каменную ограду вокруг основного погребения в кургане 10 могильника Брусяны II [4, с. 236, табл. XXIV]. Такова же и прямоугольная каменная ограда с пристройкой в кургане 13 этого же курганного некрополя [4, с. 238, табл. XXVI, 1]. Однако типологически наиболее близка погребению у хутора Конрат подпрямоугольная, с закругленными углами каменная ограда кургана 23 некрополя Брусяны II [4, с. 245, табл. XXXIII, 1], ограждавшая центральное захоронение. По бокам от ограды находились еще четыре погребения, в том числе в скорченном положении на правом боку [4, с. 245, табл. XXXIII, 3]. Такая же подпрямоугольная П-образная каменная ограда, внутри которой располагалось два погребенных, отмечена в кургане 24 [4, с. 246, табл. XXXIV, 1].

В отличие от соколовского типа, благодаря многочисленным раскопкам и разведкам, эволюция этой группы древностей в направлении появления наряду с курганными бескурганных одиночных погребений, более ясна. Очень показательны в этом отношении погребально-поминальные некрополи типа Малая Рязань I, где зафиксированы в непосредственной близости и подкурганные, и грунтовые погребения, по конструкции ничем не отличающиеся

одно от другого. Последние четко датируются уже последней четвертью VIII в. и свидетельствуют о постепенном оседании новинковцев на землю [15, с. 255–262; 14, с. 149]. Для курганов характерны те же параметры, что и у предполагаемой насыпи у хутора Конрат, высота до 0,5 м при диаметре до 15 м. Известны курганы только с двумя погребенными (курган 8). Важно и то, что в южной части некрополя на расстоянии около 140 м к югу от основной группы курганов были выявлены два грунтовых погребения, одно из которых было окружено замкнутой прямоугольной каменной оградой [7, с. 212, рис. 2,1]. Размеры каменной ограды составили 5,2×3,5 м при максимальной высоте 0,3–0,4 м. Отмечены и следы поминальных обрядов в непосредственной близости от каменной ограды в виде костей животных, кусков обожженной глины [7, с. 210–211]. Сопутствующее погребение располагалось на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности и оказалось практически полностью разрушенным. Инвентарь также состоял из лепного горшка и двух бусин. Лепной горшок и богатая поясная гарнитура были и в основном погребении. Оба они составляли единый комплекс.

В плане аналогий представляет интерес погребение 3 раскопа 2020 г. этого некрополя, каменный панцирь которого имел прямоугольную форму. Обкладка, безусловно, отличается небрежностью, но прямоугольная форма прослеживается достаточно четко [14, с. 151, рис. 2]. Отметим и курган 10 некрополя Малая Рязань I [4, с. 272, табл. LX,5], в центре которого, как и в случае с курганом 23 некрополя Брусяны II [4, с. 245, табл. XXXIII,1], помещена подпрямоугольная каменная конструкция вокруг основного погребения.

Обе группы упомянутых выше аналогий очень важны, но не позволяют понять наличие сочетания в погребении у хутора Конрат каменной аккуратной обкладки и плитовой христианской могилы. Единственным комплексом, который типологически близок такому обряду, можно считать северокавказский Горькобалковский комплекс VIII–IX вв., включающий, пока, три некрополя, состоящие, в основном, из каменных ящиков, в том числе и плитовых могил [18, с. 17–39; 19, с. 6]. Чрезвычайно важно, что над отдельными захоронениями могильников №№ 1 и 2 были выявлены и разнотипные надмогильные (наземные) сооружения. Исследователи делают их на три условных типа, в том числе каменные оградки подовальной конфигурации и П-образные в плане сооружения из вертикально установленных плит. При этом, каменные оградки размещались, чаще всего, над детскими каменными ящиками, перекрытыми каменными плитами. На могильнике № 2 рядом с погребениями располагались три комплекса со следами тризн. Наличие каменных оградок, как и присутствие на камнях обкладок могил тамгообразных знаков, исследователями аргументированно связывается с тюркскими переселенцами, смешивавшимися с представителями местной этнокультурной среды и принимавшими христианство [19, с. 12]. Появление подобных элементов рассматривается в рамках миграционных процессов в крупнейшей в Предкавказье поселенческой агломерации, представленной Татарским городищем или аналогичными агломерациями в верховьях Урупа и Кубани [19, с. 12–14].

Таким образом, есть аргументированные основания предполагать наличие курганной насыпи у двух погребений, открытых раскопками 2015 г. у хутора Конрат. Не исключено ее наличие и над могилой 1 на поселении Приморский северо-западное. Даже если это не так, перед нами одиночные погребения. Представляется очень вероятной их связь с хазарским этносом и кочевой образ жизни захороненных. Могила у хутора Конрат сочетает в себе черты различных культурных погребальных традиций, свидетельствующих о высоком статусе захороненного. Сопровождавшее ее погребение, как и могила на поселении Приморский, близкие по составу бедного погребального инвентаря, действительно могли принадлежатьномадам более низкого социального уровня.

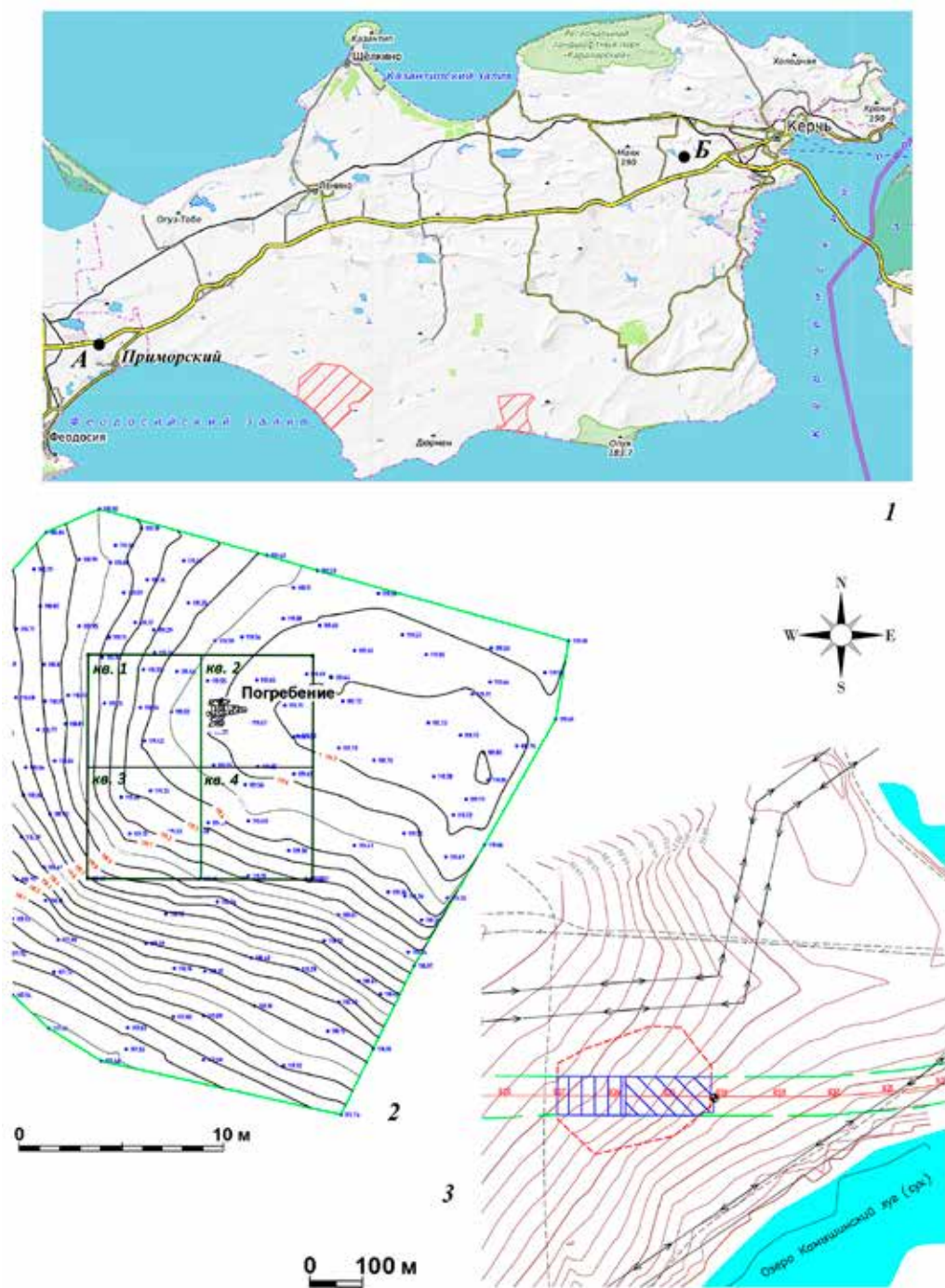

Рис. 1. Месторасположение и общие планы раскопов на поселении Приморский северо-западное и у хутора Конрат II: 1 – месторасположение погребений: А – поселение Приморский северо-западное; Б – хутор Конрат-II; 2 – план раскопа у хутора Конрат II; 3 – план раскопа поселения Приморский

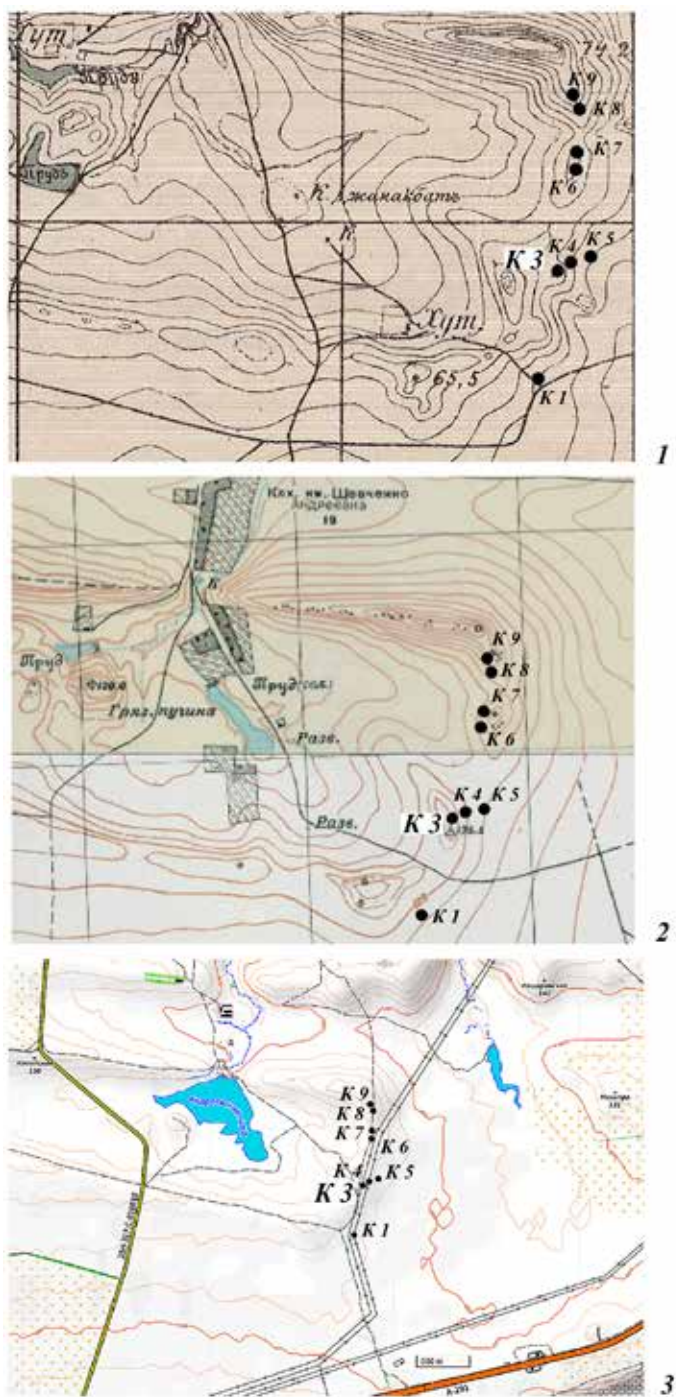

Рис. 2. Месторасположение кургана 3 группы из 11 курганов у хутора Конрат II: 1 – на верстовой карте Крыма конца XIX в.; 2 – на карте РККА конца 1930-х гг.; 3 – на современной топографической карте

Рис. 3. Курган 3 группы из 11 курганов у хутора Конрат II и его стратиграфия:
1 – общий вид возвышенности с курганом 3, вид с юго-востока; 2, 3 – стратиграфия западного
профиля бровки между квадратами 1 и 2 на участке могилы 2, вид с запада

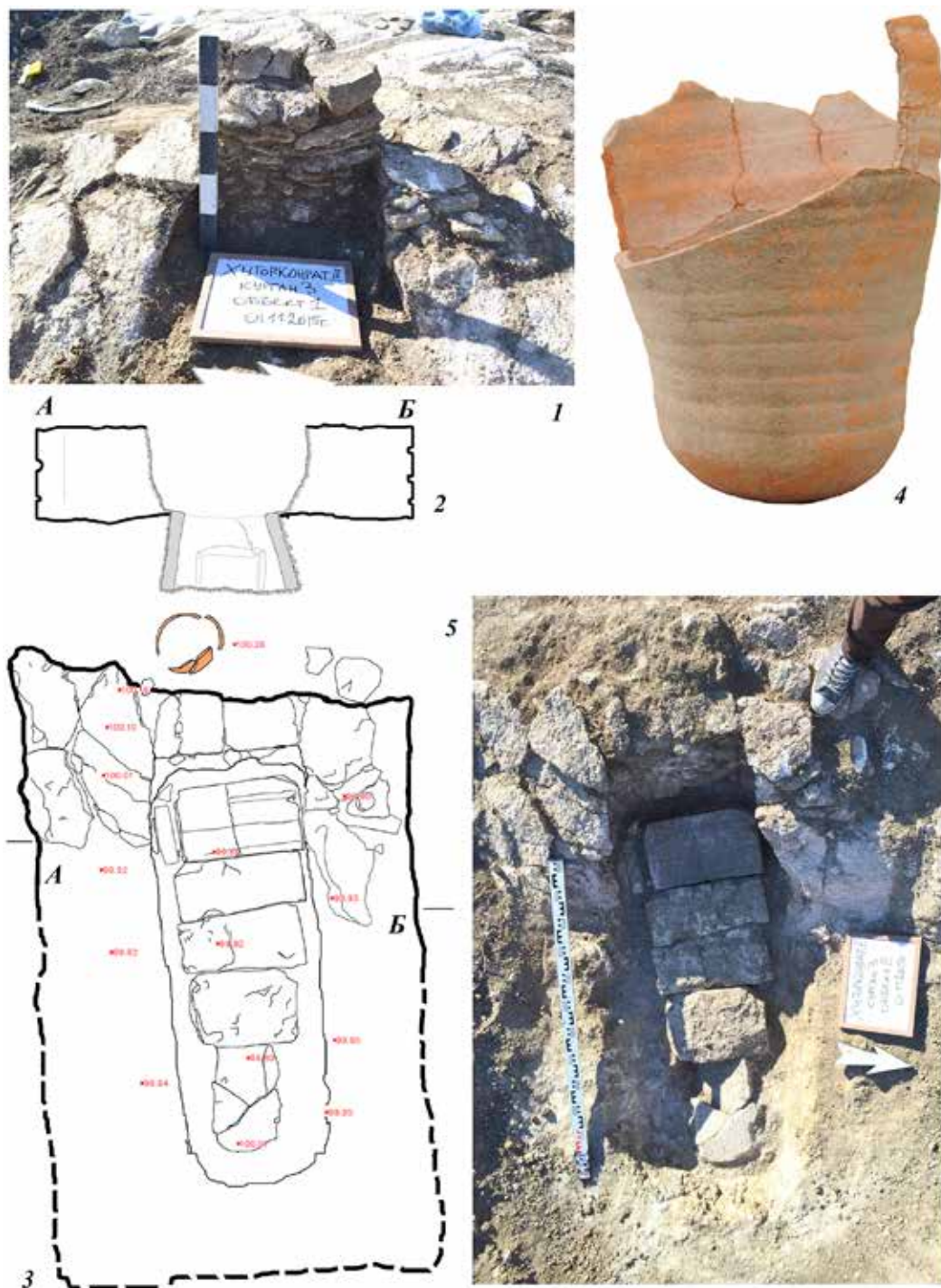

Рис. 4. Каменная конструкция над погребением 2 кургана 3 у хутора Конрат II: 1, 5 – общий вид конструкции с востока и сверху; 2, 3 – разрез и план погребения и каменной конструкции; 4 – амфора из тризны могилы 2

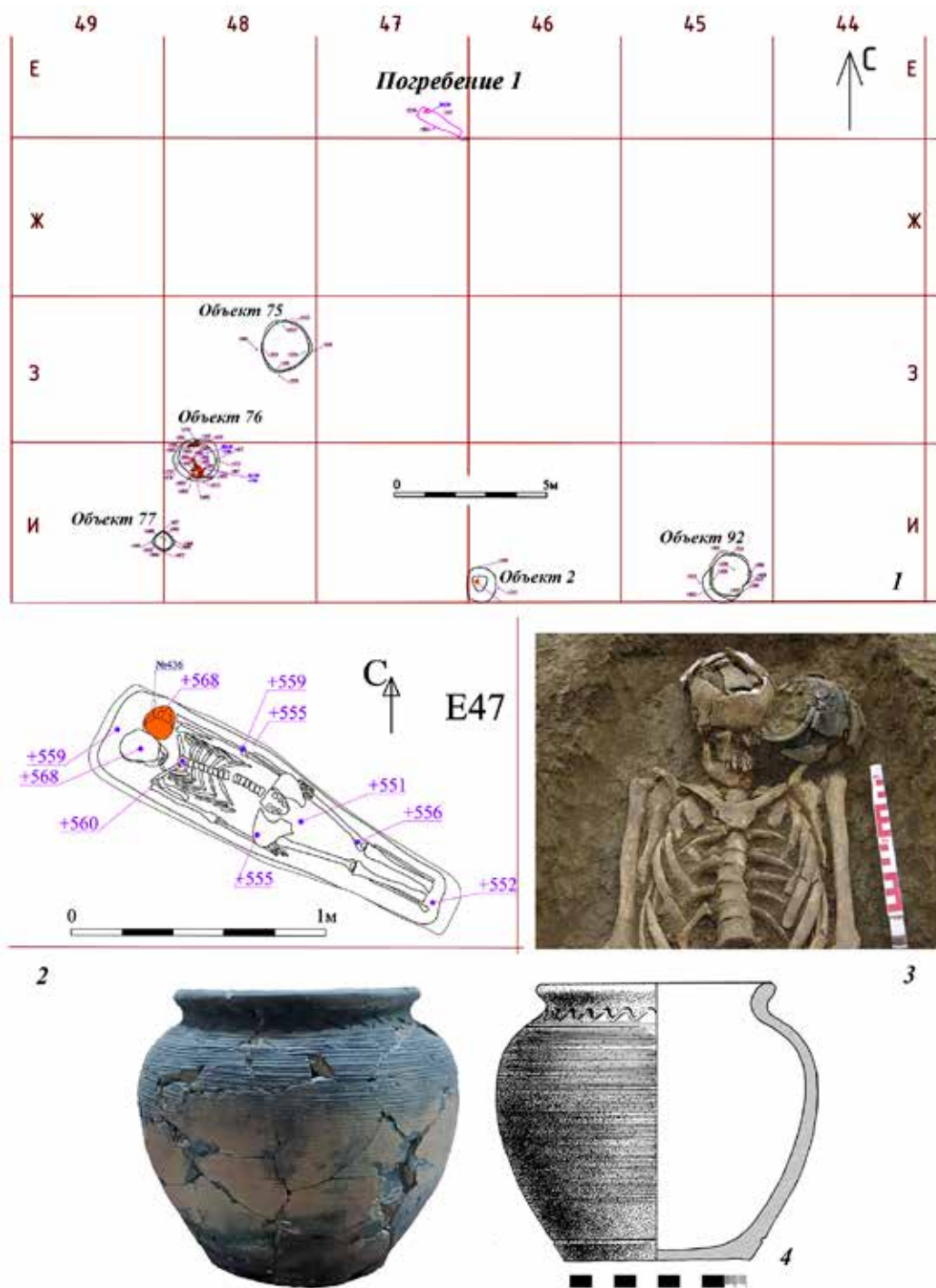

Рис. 5. Погребение 1 на поселении Приморский северо-западное:
 1 – план участка раскопа II на поселении и погребение 1; 2, 3 – план и общий вид погребения;
 4 – кухонный горшок из погребения 1

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Симферополь, Керчь: АДЭФ-Украина, 2008. 336 с.
2. Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухомышанский могильник VIII–X вв. Киев, Харьков, 2006. 308 с. (Хазарский альманах. Т. 5).
3. Атавин А.Г. Средневековые погребения в Фанагории // СА. 1986. № 1. С. 262–266.
4. Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.
5. Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскопы 8–9). Симферополь, 2007 // НА ИАК РАН. Инв. кн. 6, инв. № 1119, папка 1466.
6. Бочаров С.Г. Отчет о раскопках средневекового поселения на холме Тепсень (пос. Коктебель) в 2006 году (раскоп 6) // НА ИАК РАН. Инв. кн. 6, инв. № 1123, папка 1470.
7. Букин В.О., Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2017 г. // Вопросы археологии Поволжья. 2019. Вып. 7. С. 210–215.
8. Глебов В.П., Иванов А.А. Кочевническое погребение хазарского времени из могильника Таловый II // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 154–176. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).
9. Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000. 24 с.
10. Колтухов С.Г., Майко В.В. Курганы у с. Строгоновка (исследования 2021 г.). Симферополь: Ариал, 2024. 212 с.
11. Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на прабългарската история и култура. Т. 2. София: Аргес, 1991. С. 62–81.
12. Круглов Е.В. Погребение хазарского времени у с. Ильевка // Хазарский альманах. 2004. Т. 2. С. 180–186.
13. Круглов Е.В. Подкурганное ямное погребение салтово-маяцкой культуры из могильника Ольховка I // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011. С. 38–42, 119.
14. Лифанов Н.А. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2020 г. // Поволжская археология. 2023. № 4 (46). С. 149–157.
15. Лифанов Н.А., Зубов С.Э. Раскопки могильника Малая Рязань I в 2009–2010 гг. и некоторые вопросы изучения памятников Новинковского типа на Самарской Луке // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара: Офорт, 2010. С. 255–262. (Краеведческие записки. Вып. XV).
16. Майко В.В., Пономарёв Л.Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по результатам раскопок 2015 г.) // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII. С. 222–226, 294–309.
17. Медведев А.П. Салтовское погребение на реке Воронеж // Дивногорский сборник. 2009. Вып. 1 С. 83–89.
18. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв. Некоторые итоги и перспективы изучения (К 15-летию охранно-спасательных археологических исследований) // Археология степной Евразии / Отв. ред. К.М. Байпаков, А.М. Илюшин. Кемерово, Алматы: КузГТУ, 2008. С. 17–39.
19. Нарожный Е.И., Соков П.В. Горькобалковский археологический комплекс VIII–IX вв.: реалии и домислы этнокультурной атрибуции // Arçioğl. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 5. С. 1–22.
20. Родинкова В.Е. Раскопки поселения Приморский северо-западное // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т. 2. М.: ИА РАН, 2019. С. 7–27.
21. Родинкова В.Е., Добровольская М.В., Сапрыкина И.А. Погребение эпохи Великого переселения народов из Восточного Крыма: результаты комплексных исследований // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2020. С. 167–171.
22. Родинкова В.Е., Свирикина Н.Г. О некоторых погребальных традициях населения округа Феодосии в античное и средневековое время // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции. М.: ИВ РАН, 2021. С. 235–238, 336–337.
23. Сташенков Д.А. Самарское Поволжье в хазарское время: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2024. 80 с.
24. Сташенков Д.А., Турецкий М.А. Погребение хазарского времени на территории селища Малячкино IV // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 2. С. 429–440.
25. Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. С. 108–126.
26. Тахтай А.К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Херсонесский сборник. 1948. Вып. IV. С. 19–43.

27. Ткачев А.А. Раннесредневековое кыргызское захоронение из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4(55). С. 74–87.
28. Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
29. Швецов М.Л. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. 1991. Т. 2. С. 109–123.
30. Яценко В.В. Подкурганное захоронение VIII–IX вв. у г. Пролетарска // Средневековые древности Дона / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М., Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 182–192. (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II).

REFERENCES

1. Aibabin A.I., Khairidinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraine Publ., 2008, 336 p.
2. Aksenov V.S., Mikheev V.K. The population of the Khazar Khaganate in historical and cultural monuments. Sukhogomolshan burial ground of the 8th–10th centuries. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2006, vol. 5, 306 p.
3. Atavin A.G. Medieval burials in Fanagoria. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1986, no. 1, pp. 262–266.
4. Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E. *Prabolgary na Srednei Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia)* [Parabology on the Middle Volga (at the origins of the history of the Tatars of the Volga-Kamya)]. Samara, 1998, 286 p.
5. Bocharov S.G. Report on excavations of a medieval settlement on Tepsen Hill (Koktebel settlement) in 2006 (excavations 8–9). *Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS*, book 6, no. 1119, folder 1466.
6. Bocharov S.G. Report on excavations of a medieval settlement on Tepsen Hill (Koktebel settlement) in 2006 (excavations 8–9). *Archive of the Institute of Archaeology of Crimea RAS*, book 6, no. 1123, folder 1470.
7. Bukin V.O., Lifanov N.A., Zubov S.E. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2017. *Voprosy arkheologii Povolzh'ia* [Issues of Volga region archaeology], 2019, vol. 7, pp. 210–215.
8. Glebov V.P., Ivanov A.A. Nomadic burial of the Khazar time from the Talovy II burial ground. Yu.K. Guguiev (ed.), *Srednevekove drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don], Moscow, Jerusalem, Gecharim Publ., 2007, pp. 154–176. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).
9. Ivanov A.A. *Rannesrednevekove podkurgannye kochevnicheskie zakhoronenii a vtoroi poloviny VII – pervoi poloviny IX vv. Nizhnego Dona i Volgo-Donskogo mezhdurech'ia* [Early medieval burial nomadic burials of the second half of 7th – first half of 9th centuries of Lower Don and Volga-Don interfluvium]. Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences. Volgograd, 2000. 24 p.
10. Koltukhov S.G., Maiko V.V. *Kurgany u s. Strogonovka (issledovaniia 2021 g.)* [Barrows near the village of Strogonovka (research 2021)]. Simferopol, Arial Publ., 2024, 212 p.
11. Krasil'nikov K.I. The burial ground of the ancient Bulgarians near the village Zheltoe on the Seversky Donets. *Problemi na prab'lgarskata istoriia i kultura* [Problems on prabulgarian history and culture], Sofia, Arges Publ., 1991, pp. 62–81.
12. Kruglov E.V. Burial of the Khazar time at the village Ilyevka. *Khazarskii al'manakh* [Khazar almanac], 2004, vol. 2, pp. 180–186.
13. Kruglov E.V. Pit burial in Burial of Saltovo-Majaki culture from the Olkhovka I burial ground. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchennia na Kharkivshchini* [Saltovo-Majaki archaeology culture: 110 years since the beginning of the study in the Kharkiv region], Kharkiv, 2011, pp. 38–42, 119.
14. Lifanov N.A. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2020. *Povolzhskaia arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2023, no. 4 (46), pp. 149–157.
15. Lifanov N.A., Zubov S.E. Excavations of the Malaya Ryazan I burial ground in 2009–2010 and some issues of studying Novinkovsky type monuments on Samara Luka. *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* [40 years of the Middle Volga archaeological expedition], Samara, Ofort Publ., 2010, pp. 255–262. (Local history notes. Vol. 15).
16. Maiko V.V., Ponomarev L.Iu. Saltovo-Mayatsky burial ground Konrat on the Kerch Peninsula (according to the results of excavations in 2015). *Istoriia i arkheologiya Kryma* [History and archaeology of Crimea], 2018, vol. 7, pp. 222–226, 294–309.
17. Medvedev A.P. Saltovskoye pogrebeniye na reke Voronezh [Saltovo burial on the Voronezh River]. *Divnogorskiy sbornik* [Divnogorsk collection], 2009, vol. 1, pp. 83–89.
18. Narozhnyi E.I., Sokov P.V. Gorkobalkovsky archaeological complex of the VIII–IX centuries. Some results and prospects of study (On the 15th anniversary of conservation and rescue archaeological research). K.M. Baipakov, A.M. Iliushin (eds.), *Arkheologiya stepnoi Evrazii* [Archaeology of steppe Eurasia], Kemerovo, Almaty, 2008, pp. 17–39.

19. Narozhnyi E.I., Sokov P.V. Gorkobalkovsky archaeological complex of the VIII-IX centuries: realities and speculation of ethnocultural attribution. *Apriori. Ceriia: Gumanitarnye nauki* [Apriori. Series: Humanities], 2016, no. 5, pp. 1–22.
20. Rodinkova V.E. Excavations of the settlement Primorsky northwest. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Tavrida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018]. Vol. 2. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, pp. 7–27.
21. Rodinkova V.E., Dobrovol'skaia M.V., Saprykina I.A. Burial of the era of the Great Migration of Peoples from Eastern Crimea: the results of comprehensive research. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: materials of the IV international scientific conference], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2020, pp. 167–171.
22. Rodinkova V.E., Svirkina N.G. On some funeral traditions of the population of the district of Feodosia in ancient and medieval times. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political ties of Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: materials of the V international scientific conference], Moscow, Institute of Oriental Studies RAS Publ., 2021, pp. 235–238, 336–337.
23. Stashenkov D.A. *Samarskoe Povolzh'e v khazarskoe vremia: uchebnoe posobie* [Samara Volga region in the Khazar time: a textbook]. Samara, Samara University Publ., 2024, 80 p.
24. Stashenkov D.A., Turetskii M.A. Burial of the Khazar time in the village of Malyachkino IV. *Ufmskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2024, vol. 24, no. 2, pp. 429–440.
25. Sudarev N.I. Burial in the area of settlement Garkusha 1 (Patrey). *Bosporskiy sbornik* [Bosporan collection], 1994, vol. 4, pp. 108–126.
26. Takhtai A.K. Excavations of the Chersonesos necropolis in 1937. *Khersonesskii sbornik* [Chersonesos collection], 1948, vol. 4, pp. 19–43.
27. Tkachev A.A. Early medieval Kyrgyz burial from the Upper Irtysh region. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2021, no. 4(55), pp. 74–87.
28. Chkhaidze V. N. *Fanagoriia v VI–X vekakh* [Fanagoria in the VI–X centuries]. Moscow, Triumf print Publ., 2012, 590 p.
29. Shvetsov M.L. “Zlivki” burial ground. *Problemi na prablgarskata istoriya i kultura* [Problems of Proto-Bulgarian history and culture], 1991, vol. 2, pp. 109–123.
30. Iatsenko V.V. Burial of the 8th–9th centuries. near Proletarsk. Yu.K. Guguev (ed.), *Srednevekovye drevnosti Dona* [Medieval antiquities of the Don], Moscow, Jerusalem, Gecharim Publ., 2007, pp. 182–192. (Materials and research on the archaeology of the Don. Vol. 2).

Информация об авторе

Майко В. В. – доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: A-8603-2019

Author information

Maiko V. V. – Doctor of Science (History), Director of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: A-8603-2019.